

СНОВА ВТОРОЙ ФРОНТ?

● В 1989 году в ответ на мое обращение получил письмо от Джека Мэтлока, в ту пору посла Соединенных Штатов Америки в СССР. В письме были такие слова: «Выражаю надежду, что постепенная расширяющаяся приверженность к общечеловеческим ценностям будет способствовать дальнейшему сближению наших народов». Эти слова послужили началом организации встречи кинематографистов-фронтовиков России и Америки, а также историков, архивистов наших стран, всех тех, кто имел отношение ко второй мировой войне и тем более ко второму фронту, значение которого бывшее советское правительство умышленно преуменьшало.

Будучи военным корреспондентом армейской газеты 3-й ударной армии «Фронтовики» и заместителем фотохронки ТАСС, «Известий» и «Комсомольской правды», я имел возможность свободно передвигаться по линии Калининского

фронта, своими глазами увидеть все то, о чем при Сталине, Хрущеве и Брежнев было принято молчать. Двадцать поколений призывников не имеют никакого понятия о настоящем вкладе Америки в нашу общую войну. Кто из подростков молодых людей наших стран слышал об «Оверлорде» и других масштабных военных операциях. В том, как сквозь полярную мглу и ледяные тисы к нам все время пробивались американские корабли с оружием и боеприпасами, машинами и продовольствием, обмундированием и медикаментами? Многие моряки погибли в пучинах по-

● **Американский адмирал, ветеран второй мировой войны Гарольд Вайн Вайнгербер с участником Великой Отечественной войны, ветераном кино Натаном Битманом**

● **1942 год. Н. Битман во время съемок военных действий**

● **Советская делегация и сопровождающие ее американские деятели на приеме в офисе экс-президента США в Лос-Анджелесе**

лярного моря, и невозможно забыть эти трагические минуты. Огромный вклад, который внес американский народ в разгром фашистских агрессоров, тщательно скрывался.

Убежден: настоящую правду о второй мировой войне мы еще не знаем. И настало время ее открыть. Без второго фронта война могла бы затянута. А сколько бы еще было жертв! (Хотя, кажется, куда уж больше?)

Встреча-конференция участников второго фронта состоялась в феврале этого года в Америке. Три года жизни было истрачено, чтобы, как говорят, «пробыть идею». А то, что я увидел в Соединенных Штатах, превзошло все мои ожидания. Нас, делегацию из десяти человек, гостеприимно встретили, выполняли все наши желания, каждый день мы по шесть-семь раз встречались с разнообразной американской публикой — ветеранами, кинематографистами, военными историками, государственными деятелями и даже с Рональдом Рейганом, — делились воспоминаниями, беседовали, общались. Мы оказались в центре внимания всех средств массовой информации, нас пригласили телевидение, «Голос Америки», многие газеты...

Чтобы осуществить этот проект, пришлось преодолеть множество препятствий, подключить мощные силы: Союз кинематографистов, информационное агентство Конгресса США, Пентагон, государственных деятелей наших стран, которые заинтересовались конференцией. И, несмотря на разные оттягивания, торможения и денежные проблемы, встреча все-таки состоялась и, как свидетельствует американская пресса, еще более сблизила кинематографистов и народы наших стран.

В состав делегации вошли два ученых-историка, архивист из Красногогорского кинофотоархива и фронтовые кинооператоры. Руководил Д. Худоназаров, который хотя и не воювал, но активно помогал реализовать этот весьма трудный проект. Четыре участника делегации фронтовиков были приняты почетными членами американской гильдии фотокорреспондентов и фронтовых кинооператоров. Встреча подсказала необходимость создания международной ассоциации кинематографистов-фронтовиков на долгосрочной основе. Культурный, лечебный, туристический обмен, производство совместных фильмов и кинобизнес — это моя собственная программа, под которой наши кинематографисты-ветераны подписываются, а американские с большим интересом готовы присоединиться к ней.

Главным итогом конференции стало то, на что и надеялся г-н Мэтлок: мы установили множество личных контактов, американцы впервые после окончания «холодной войны» поняли, что мы такие же, как они. Сейчас снова, как после первой и во время второй мировой войны, они шлют нам помощь. И пусть меня обвинят в проамериканизме, но я не могу не любить американцев и не называть их друзьями.

Н. БИТМАН,
инициатор и организатор этой научной конференции

● Налима, как известно, перед употреблением следует выпороть. Для увеличения печени. Об этом сообщил России еще Антон Павлович Чехов. Лично я налима не порол. Но на рыбалке под Чоккурда-хом (Чукотка) мы поставили капкан на песка, прикрыв его горкой налимов. И ровно через неделю, прогормыхав на вездеходе по ледяной Индирикке, застали на озерке под припорошенной горкой рыбы застывшие песка. Тогда же выяснилось, что лайки не едят налимов. Брезгуют. Но печень, для чего и порют, является лакомством. Ее, сырую, мороженую, с горчицей и уксусом под водку ел тогда с министром здравоохранения Якутии.

Высокий съезд, который отшумел вместе с этой неласковой весной, вознамерился выпороть не налима, а прессу. Вызывают на ковер владельцев российской информации, но потом отложили это дело, как и все прочие. И перенесли на будущую сессию вопрос «О средствах массовой информации» — которые неприятны, невыносимы, потому что визуально предьявляют народонаселению России нелегко-приятный образ съезда.

Очевидно, когда выйдет этот номер, нас примут обсуждать. Так что к сроку. Правда, я не знаю, сколько к тому времени уцелеет газет и журналов. Вот сегодня мы, журналисты «Экрана», прощаемся с нашими подписчиками. Кто следующий? Аверченко уже давно рассказал о России, читающей по виселицам, напоминающим буквы «Г» и «К». Мы снова приближаемся к этому. К экономической катастрофе, уничтожающей печать, прибавляется ненависть высокого депутатского корпуса, который не понимает, почему его собрания не освещают и не комментируют как блестящую ассамблею. «Наш съезд действительно станет историческим» — сколько раз эти трагикомические слова звучали в зале! Но почему-то чувство ужаса, житейской катастрофы вызывает у меня, моих детей и внуков каждое приближение съезда народных депутатов. Что еще с нами сделают? Что случится?... Я не боюсь, что у меня отнимут богатства. Прочно стою на ногах, 800 рублей зарплата. Спасибо, накормили.

Но во сколько же вы обошлись нашей несчастной стране — с вашими суточными, командировочными, разговорами о бедах народа.

захлопыванием и зеванием. задонистской устремленностью взорвать уже взорванное? Я знаю: среди вас нет бедных, разделяющих тяготы нашей жизни. Как же вы осмелеваете судить о наших горестях?

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один, моя поддержка и опора, о великий и могучий, о правдивый и свободный, русский язык!»

«Депутаты, ну, расслаьтесь, прошу всех присесть к микрофону...». «Достигнуто вполне понятное решение выполнить стремление...». «Дело вот что...». «Я понял о том...». «Которые бы хотели о том...». «Высокий съезд, полностью согласен с вами о том...». «Федерация не определяет о том...» (Обратите внимание на этот параноидально-безграмотный вывих про «о том».— А. З.). «Видимо, выступили из внимания...». «Поверьте моему опыту, интуиции и прочим вещам...» (восторженный гогот в зале).

«Мы уже столько цацкались с нашими республиками...». «Не зевайте, пожалуйста, телевидение выхватит». «Известия» напечатает...». «Ни в какие рамки не влезит...». «Стоит это дело реформировать...».

И вот с этимким красноречием судить, рядить, рычать о России! Нет-нет, все-таки тускло осветил гениальный Сталин, лучший друг Верховных Советов. «Вопросы нашего языкознания». Я бы отправил высокий корпус во главе с замечательным спикером к доктору Хиггину, который научил по-человечески говорить замарашку Элизу Дулитл и превратил ее в высококордную леди. Но ведь не дойдут, не доберутся к адресату. Что для них Галатея, Пигмалион, Элиза, доктор Хиггинс и бородатый Бернад Шоу?! Пыль. Налим, птица залетная. Вот выпороть бы...

А эти idiotические поздравления: «Сегодня некоторым из нас исполнилось совсем немного лет» — как в дурдоме имени товарища Сталина. Когда вся работа идет наперекосяк и люди с ужасом думают: сколько же стоит, во сколько обходится каждая минута этого косноязычного словоговорения?

А это премьерство, эти буржуазские рассуждения: будем ли мы сегодня показываться по телевидению? Господи, охраняй нас, неужели вы не понимаете, что, когда включают телик, все моментально становится очевидным: как вы сидите, видите, спите или рветесь к микрофону, любите друг друга, слушаете ваши проекты, «бюджет мы за два часа», «хоть полчаса выкройте на «проект о социальной защите». Спасибо. Не надо. Не выкраивайте.

Пепел девочки Нади стучит в мое сердце.

В заключение хочу сказать о глубоко неизвестном вам поэте и драматурге Геннадии Шпаликове. Создавший прекрасные фильмы «Мне двадцать лет» и «Я шагаю по Москве», затравленный монстрами кинематографа, слившийся, напоследок жизни он написал сценарий «Девочка Надя, что тебе надо?». Речь в этом сочинении шла о депутате Верховного Совета, ткачице Наде, которую превратили в безгласную чурку в брежневском парламенте. Так вот, осознав свою полнейшую государственную бесполезность, вернувшись в родной город на Волге и созвав своих избирателей к смрадной городской свалке, она закатила туда бензовоз и совершила акт самосожжения. Вместе со свалкой. А Гена Шпаликов, отослав в Госкино СССР сценарий, и по сей день не имеющий никаких надежд на претворение, повесился на своем личном шарфе в Доме творчества в Перedelкине.

Господи, упокой их души.
Андрей ЗОРКИЙ

Кадзуо ЯМАДА, японский киноcritик

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

● На открытии IV Токийского Международного кинофестиваля был показан фильм «Сын». Бурные аплодисменты свидетельствовали о большом успехе. В вестибюле я встретил американского киноcritика Дональда Риччи, проживающего в Японии, и он мне сказал: — Как, вероятно, ликует на небесах Одзу Ясудзиро.

Не странно ли: успеху одного режиссера был бы безмерно рад другой, покойный классик нашего кино?

Речь идет о продолжении славной и трогательной традиции. Начиная с 1969 года режиссер Ямада Йодзи снимает комедийный киносериал «Нелепо быть мужчиной». Главную роль в нем неизменно играет Ацуми Киёси. Зовут его по фильму Тора-сан. Одна серия показывает нам его на рабочем месте рядового клерка со всеми смешными подробностями этой службы. В другой он отправляется в отпуск, на модный курорт. В третьей занимается спортом. Потом он решил жениться и обратиться к свахе. Потом, раздумав жениться, он начинает играть на бегах или пробует свои способности в телевизионной викторине. Человек беззлойный и отзывчивый, может быть, не в меру простодушный, он все время попадает в дурацкие ситуации, которые все больше запутываются, из смешных становятся абсурдными или даже драматическими, когда Тора-сан искренне не знает, как ему ноги унести подбору-поздорову. Слезы и смех, разбрасываемые вольным человеком Тора-саном, наполнены душевным теплом. В январе 1991 года на экраны страны вышел очередей фильм серии «Выходной день Торадзиро». Этот, 43-й по счету, фильм составил новый мировой рекорд киносериалов.

Но одновременно с производством всех этих фильмов о Тора-сане режиссер Ямада успел поставить целый ряд серьезных фильмов. «Сын» — один из них. Он пове-

ствует о японской деревне 90-х годов нашего столетия. В префектуре Иватэ (северо-восточный район Японии) одиноко проживает отец семейства, охраняя дом и огород (артист Микуни Рэнтаро). В былые времена он ездил на приработки в Токио и, когда возвращался, вся семья его встречала радостно и тепло. Но сейчас его родичей размотало по свету. Если б не поминки по матери, едва ли они съехались бы в родной дом. А тут примчался даже младший сын Тэцую (артист Нагаэ Масатоси), который подрабатывает в Токио, в районе Синдзюку.

Его считают непутевым, безалаберным и немощно не от мира сего. Один Тэцую на несколько дней остается в деревне, помогая отцу. Того беспокоит нервозное состояние сына. Постепенно они начинают находить общий язык. Как здесь не вспомнить мотив связи отца и сына, который так сильно звучал в старых шедеврах Одзу Ясудзиро (например, в «Токийской повести», 1935 год).

Новый поворот сюжета, новая тема — любовь сегодняшних молодых. Тэцую устраивается на чугуноплавильный заводик. Работа нелегкая, но, соприкоснувшись с простыми, безыскусными, хотя и грубоватым народом из цеха, он постепенно открывает искреннюю радость вдохновенного, созидательного труда. Встреча с милой девушкой Юкио (артистка Вакуи Эми) представляет собой редкий для нашего кино образ замечательной пластической чистоты. Тэцую потрясен. Мы потрясены вместе с ним. Прекрасный миг жизни дал прекрасный эффект искусства.

Девушка уходит, не произнеся ни слова. Через некоторое время Тэцую узнает от сослуживцев, что она глухонемая.

— Что из этого! — кипятится Тэцую.

Последняя треть картины, история романтической любви, по собственному признанию режиссера

Ямады, — прямая и почтительная дань памяти Одзу Ясудзиро и его кинематографической традиции.

Событий и здесь немного. Отец приехал в столицу, чтобы принять участие в сборе фронтовых друзей. Он останавливается в семье старшего сына в его роскошном новом доме, но видит, как нелепо складывается тут семейная жизнь, и под первым папавшимся предложением переезжает в тесное жилище своего младшего. Он являлся неожиданно и далеко за полночь, но ему здесь искренне рады, ищут, как выразить свое почтение. Как самую сокровенную тайну, Тэцую открывает отцу, что женится на Юкио. В его словах — одержимость и напор, вызов всему свету. У старика повлажнели глаза.

— Ты хочешь стать его женщиной? — спрашивает он девушку. Ему не надо слов в ответ. Достаточно ее счастливой, лучезарной улыбки.

В ту ночь отцу не спится, до утра он прихлебывает пиво и негромко поет старинную песенку «Отоми-сан». Сын слушает его с благодушной миной. Два человека, такие разные, смогли сегодня понять друг друга. Один только начинает жизнь и, кажется, почувствовал свою настоящую дорогу. Другой, часто ругавший себя за бестолково растроченные дни, вдруг осознал: нет, на-верное, он жил не напрасно.

Финал печален, но не горек. Зритель выходит из зала с таким чувством, будто он познакомился с замечательными людьми.

Токио
Специально для «Экрана»

